

А.Ю. Орлов
Нижегородский
филиал
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОАССИМИЛЯЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ (НА ПРИМЕРЕ НАСЕЛЕНИЯ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

Историко-географические факторы обусловили формирование сложного полиэтнического пространства России. Совместное существование этносов в нашей стране явилось условием сохранения и развития каждого из них наряду с условием целостности государства. До тех пор пока в России сохраняется феномен полиэтничности, неотъемлемой чертой демографических исследований будет являться их дифференциация по этническому признаку.

Причины неоднородной динамики численности этносов объясняются, с одной стороны, этническими особенностями естественного движения и миграционной активности, а с другой, собственно этническими процессами, под которыми, прежде всего, понимаются процессы смены идентичности или, что то же самое, этноассимиляционные процессы. Поскольку эти процессы не меняют общей демографической структуры и численности населения, они редко становятся объектом собственно демографических исследований, оставаясь в исследовательском поле гуманитарных дисциплин – этнологии, культурологи, психологии и др. Тем не менее, так как в полиэтничных государствах от изменения этнодемографического баланса во многом зависит стратегия регионального развития, целесообразно изучение процессов смены этнической идентичности с позиций демографии.

В качестве ключевого региона для исследований выбран Приволжский федеральный округ (ПФО). Этнодемографическая особенность округа заключается в том, что в Российской Федерации он один из самых многонаселенных (занимает второе место после Центрального округа) и самых полиэтничных, его территория на протяжении многих веков являлась бесконфликтным пространством.

Корни этнического смешения на территории Поволжья уходят в далекую древность, когда славянские племена, выходцы из Киевской Руси, переселив-

шись сюда, совместно проживали с обитавшими здесь финно-уграми и тюрками, взаимно воспринимая многое из материальной и духовной культуры друг друга. Этот исторический пример показывает, что на территории округа изначально проживает генетически смешанное население без контрастных культурных различий, что облегчает возможность смены идентичности.

В настоящей работе ставилась цель не столько рассчитать в абсолютном измерении потоки населения из одних этнических групп в другие (выполнить это достоверно практически невозможно), сколько зафиксировать при помощи численных показателей сам факт существования таких процессов и интенсивность ассимиляции этносов относительно друг друга.

При фиксации уровня ассимиляции возникает проблема выбора численных показателей. Целесообразно, прежде всего, сравнить значения уровня итоговой рождаемости, определяющего среднее количество детей, рожденных каждой женщиной реального поколения в среде конкретного этноса к концу фертильного периода, с изменением численности данного этноса за определенный период времени. В качестве главного канала этноассимиляционных процессов выступают межэтнические браки, дети от которых обычно выбирают этническую принадлежность одного из родителей, прерывая тем самым этническую линию другого. Численно зафиксированный уровень межэтнической брачности, отражающий ее долю в общем количестве браков представителей данного этноса, будет важным показателем.

Таким образом, динамика численности за межпереписной период 1989–2002 гг., среднее число рожденных детей каждой женщиной поколения 1953–1957 гг. рождения к концу фертильного периода и уровень межэтнической брачности основных этносов ПФО (тех, чья доля в общей структуре населения превышает 0,1%) представлены в табл. 1.

Можно видеть некоторую парадоксальность и демографическую нелогичность показателей. Этноты, имеющие сравнительно высокую рождаемость – удмурты, чуваша, марийцы и, особенно, коми-пермяки – сократили свою численность (известно, что миграционного оттока данных народов не наблюдалось). С другой стороны, татары, имеющие низкий уровень итоговой рождаемости, возросли. Уровень рождаемости еще более увеличивших свою численность башкир относительно высок, но все же ниже, чем у марийцев и коми-пермяков. Этнос с невысоким уровнем рождаемости – мордва – значительно снизил свою численность, тогда как этнос с еще более низкой рождаемостью – русские – незначительно. Близкородственные им белорусы и украинцы с более высокой, чем у русских, рождаемостью сократились значительно сильнее.

Таблица 1.

Динамика численности, уровень итоговой рождаемости и уровень межэтнической брачности основных народов ПФО

Этносы	Динамика численности населения 1989–2002 гг., %	Среднее число рожденных детей каждой женщиной поколения 1953–1957 гг. рождения к концу фертильного периода	Уровень межэтнической брачности, 2002 г., %
Немцы	–36,39	2,320	50,3
Украинцы	–27,52	2,044	48,5
Белорусы	–23,37	1,875	51,4
Мордва	–17,52	1,974	34,5
Коми-пермяки	–15,73	2,537	–
Удмурты	–8,23	2,184	25,0
Чуваши	–4,25	2,206	20,8
Марийцы	–4,10	2,408	19,3
Русские	–2,90	1,808	11,8
Татары	+3,31	1,979	21,1
Казахи	+9,30	2,622	15,7
Башкиры	+33,86	2,366	21,9
Азербайджанцы	+114,25	2,596	22,8
Армяне	+318,73	2,139	19,5

Источник: расчеты на основе данных Госкомстата по Всесоюзной переписи населения 1989 г., Всероссийской переписи населения 2002 г.; данные Центра демографии и экологии человека [Население России 2003–2004, 2006].

Если брать в расчет то, что восточнославянские этносы в ПФО за весь межпереписной период получали иммиграционную подпитку, то результаты выглядят еще более парадоксальными. Если увеличение численности казахов и, особенно, закавказских народов, а также убыль немцев можно объяснить миграционными процессами, то снижение численности украинцев, имеющих приток извне в абсолютном исчислении еще больше, с точки зрения демографии необъяснимо.

Таким образом, видно, что помимо собственно демографических процессов на изменение численности народов в ПФО влияют еще процессы иного рода, а именно – смена этнической идентичности или, проще, переход населения из одних этнических групп в другие.

Уровень межэтнической брачности достигает максимального значения как раз у тех этносов, у которых выявлены демографические нелогичности – украинцев, белорусов, мордвы (по коми-пермякам данных нет, но на основе этносоциологических исследований в бывшем автономном округе [Шабаев, 2006] можно сделать вывод, что и у них велика доля межэтнических браков). Так же высок уровень межэтнической брачности у немцев, сокращение которых, вероятно, можно объяснить помимо эмиграции еще и ассимиляцией.

Исследования, проведенные ранее, выявили зависимость числа межнациональных браков от этнической гомогенности самих брачующихся [Кожевникова, Рыбаковский, Сигарева, 1998]. Та часть населения, которая имеет в своем происхождении со стороны предков или родителей брачные связи с другими этническими группами, вступает в иноэтнические браки в три раза чаще, чем те, кто два последних поколения строили брачные отношения на моноэтнической основе. Таким образом, межэтническая брачность у этносов, склонных к ней, еще более нарастает.

Следует верифицировать гипотезу об ассимиляции части финно-угорского и славянского населения на другом примере. Исходным предположением будет следующее: при ассимиляции посредством межэтнической брачности более молодых представителей этноса должно быть непропорционально меньше, чем более взрослых. Для этого следует рассмотреть возрастную структуру основных народов округа. Градация населения проведена по трем основным возрастным группам: моложе трудоспособного возраста, трудоспособное население и старше трудоспособного возраста (табл. 2).

Из таблицы видно, что самая низкая доля молодежи и самая высокая доля пожилых среди титульных этносов округа опять у мордвы и коми-пермяков, а среди нетитульных – у украинцев, белорусов и немцев. Причем доля молодежи у украинцев и белорусов «вызывающе» неестественна.

Смешанные семьи украинцев, белорусов и немцев встречаются в половине случаев, немного меньше – у финно-угорского населения (исключение – марийцы с относительно невысокой долей межэтнической брачности). Но даже в мононациональных семьях славянских и финно-угорских народов русская идентичность если и не преобладает, то сосуществует наряду с родной. Чем моложе возраст, тем большая существует вероятность ассоциирования себя с языковой и культурной средой повседневного окружения, в данном случае русской.

По мнению большинства этнологов, этнической ассимиляции предшествует ассимиляция языковая. Если два показателя этнического самосознания человека – этническая идентичность и родной язык – совпадают, это означает

естественный ход этнокультурного развития, нормальную передачу этнической информации из поколения в поколение. Выбор в качестве родного языка другой национальности означает преодоление серьезного психологического барьера.

Таблица 2. Возрастная структура основных этносов ПФО, 2002 г.

Этносы	Моложе трудоспособного возраста, %	Трудоспособного возраста, %	Старше трудоспособного возраста, %
Белорусы	5,25	55,92	38,83
Украинцы	6,94	59,42	33,64
Мордва	12,08	60,96	26,96
Немцы	15,06	65,24	19,70
Коми-пермяки	16,47	63,10	20,43
Удмурты	17,29	63,33	19,38
Русские	18,30	60,89	20,81
Чуваши	18,89	61,24	19,87
Татары	19,90	60,81	19,29
Марийцы	20,85	63,17	15,98
Башкиры	23,97	58,28	17,75
Казахи	26,80	63,26	9,92
Армяне	26,87	63,78	9,35
Азербайджанцы	32,71	65,21	2,08

Источник: расчеты на основе данных Госкомстата по Всероссийской переписи населения 2002 г.

Третьей гипотезой будет тезис о том, что те народы, которые в наименьшей степени владеют языком своей национальности и в наибольшей – языком большинства (в данном случае таковым считается русский), более предрасположены к смене этнической идентичности. В качестве индикаторов языковой ситуации выделены степень владения русским языком как родным и степень невладения языком своей национальности.

К сожалению, языковой блок вопросов в переписи 2002 г. существенно отличался от вопросов, применявшихся в прошлых переписях. Из него был исключен вопрос о родном языке, а из вопроса о владении русским языком выпало слово «свободно». В связи с этим достоверно отследить динамику си-

туации за межпереписной период не представляется возможным. Единственным динамическим показателем, который можно использовать, является степень невладения языком своей национальности. Языковую ситуацию целиком наиболее адекватно будут отражать данные переписи 1989 г. (табл. 3).

Таблица 3.

Языковая ситуация в среде основных народов ПФО

Этносы	Считают родным русский язык 1989 г., %	Не владеют языком своей национальности, %	
		1989 г.	2002 г.
Белорусы	63,5	48,8	69,3
Немцы	58,0	58,2	68,4
Украинцы	57,0	41,6	56,9
Армяне	31,8	24,5	28,7
Мордва	30,8	23,1	32,6
Удмурты	28,9	23,8	32,6
Коми-пермяки	28,7	21,6	16,9
Чуваши	22,3	18,0	23,46
Марийцы	17,8	14,8	23,2
Азербайджанцы	14,6	13,2	18,6
Татары	14,2	10,8	19,2
Казахи	11,5	9,6	28,0
Башкиры	10,0	25,4	28,70

Источник: расчеты на основе данных Всесоюзной переписи населения 1989 г. и Всероссийской переписи населения 2002 г.

Прежде всего, следует отметить возрастание в 2002 г. доли лиц, не владеющих языком своей национальности у подавляющего числа народов округа. Объяснение этому явлению может заключаться в укоренении пришлых народов и этнической конвергенции всех живущих на территории ПФО этносов.

Максимальна доля невладеющих языком своей национальности у немцев, белорусов и украинцев (более 40% в 1989 г. и более половины в 2002 г.). Средние значения (от 20 до 40%) отмечены у башкир, мордвы, удмуртов, коми-пермяков, чувашей и армян. Минимальны показатели у азербайджанцев, казахов, татар и марийцев.

Показатели доли лиц, считающих родным языком русский, вполне коррелируют с показателями доли лиц, невладеющих языком своей национальности. Исключение составляют башкиры, у которых невысок процент считающих родным языком русский, но относительно высок – невладеющих башкирским. Объясняется это тем, что около 17% башкир родным языком считают татарский.

Если выделенные показатели языковой ситуации считать маркерами ассимиляционных процессов, то все этносы можно разделить на три группы: с показателями, максимально соответствующими ассимиляции, – украинцы, белорусы, немцы; со средними показателями – чувашаи, мордва, удмурты, коми-пермяки и армяне; с показателями, препятствующими ассимиляции, – татары, башкиры, марийцы, казахи, азербайджанцы.

Таким образом, на основе всех индикаторов, отмечающих ассимиляционные процессы – межэтнической брачности, возрастной структуры и языковой ситуации – можно провести типологию основных этносов округа по интенсивности процессов смены этнической идентичности.

1 тип – максимально ассимилируемые народы с очень высоким уровнем межэтнической брачности (около 1/2), неестественно низкой долей молодых возрастов и максимальной долей в населении невладеющих языком своей национальности и считающих родным русский язык – белорусы и украинцы. К этой группе следует также отнести немцев, у которых доля молодых возрастов в структуре населения выше, чем у двух предыдущих этносов, но показатели межэтнической брачности и языковой ассимиляции соответствуют данному типу.

2 тип – значительно ассимилируемые народы с высоким уровнем межэтнической брачности (более 1/4), низкой долей молодых возрастов и высокой долей лиц, перешедших на русский язык в качестве родного, – мордва, коми-пермяки, удмурты.

3 тип – незначительно ассимилируемые народы, мало сократившие свою численность, со средним уровнем межэтнической брачности (около 1/5), имеющие возрастную структуру, близкую к среднеокружной, и относительно невысокую долю лиц, не владеющих языком своей национальности, – марийцы, чувашаи.

4а тип – неассимилируемые титульные народы, увеличившие свою численность, со средним уровнем межэтнической брачности и долей молодых возрастов, незначительно превышающих общеокружной уровень, а также с минимальной долей лиц, перешедших на русский язык в качестве родного, – татары и башкиры.

4b тип – неассимилируемые нетитульные народы со значительным или очень значительным увеличением численности, со средним или низким уровнем межэтнической брачности (1/5 и ниже), повышенной долей молодых и трудоспособных возрастов и минимальной долей перешедших на русский язык в качестве родного – казахи и азербайджанцы. К этому типу следует отнести также армян, у которых, в отличие от двух предыдущих этносов, велика доля перешедших на русский язык. Но все остальные показатели и национальная специфика армянского народа свидетельствуют об их неассимилируемости.

И, наконец, в отдельный тип можно выделить русских с очень низким уровнем рождаемости, неблагоприятной возрастной структурой с долей молодежи ниже среднеокружного уровня, которые по демографической логике должны были бы сократиться значительно, чем есть на самом деле. Незначительное сокращение русских дает основание назвать их ассимилирующим этносом.

Ассимиляционный прирост играет существенную положительную роль в сохранении численности русского населения на территории ПФО; несмотря на более низкие показатели рождаемости русских в округе, чем по России в целом, их сокращение здесь ощутимо меньше.

Следует добавить, что в данной типологии такие понятия, как «значительно ассимилируемые», «неассимилируемые» народы и др., достаточно условны, поскольку абсолютно неассимилируемых народов в современном мире быть не может. Какая-то доля межэтнических браков существует всегда, и дети от них чаще все же выбирают национальность одного из родителей, чем усваивают этническую культуру обоих в равной степени. В таких случаях возможна ассимиляция и русских, и татар, и закавказских народов. Вопрос лишь в пропорциях, что определяет большую или меньшую склонность этноса к смене идентичности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ассимиляционные процессы существенно влияют на динамику численности некоторых народов Поволжья, тех, для которых характерно особенно сильное смешение с соседними этносами, главным образом, с русскими.

Вторым не менее важным выводом является то, что ассимиляционный прирост русского этноса в ПФО является главной преградой на пути к его стремительной депопуляции. И если миграционная подпитка русских постепенно сошла на нет, то говорить о прекращении ассимиляционного прироста нет основания.

Поскольку трансформация этнической идентичности представляет собой процесс, то в демографических исследованиях правомерно обозначить его как

ассимиляционное движение населения, которое может прямо или косвенно фиксироваться статистикой. Таким образом, при анализе демографической ситуации полиэтничного региона целесообразно рассматривать не только «традиционные» для демографии естественное и миграционное движение населения, но и включать в исследования ассимиляционное движение.

Литература

Кожневникова Н.И., Рыбаковский Л.Л., Сигарева Е.П. Русские: этническая гомогенность? (Опыт социологического исследования). М.: ИСПИ РАН, 1998.

Население России 2003–2004. Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Наука, 2006.

Шабав Ю.П. Этносоциальные последствия объединения регионов (Из опыта формирования Пермского края) // Социологические исследования. 2006. № 3. С. 64–71.